

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 378.4 /316.422.44

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-3

Аблажей А. М.

«Господин профессор»: деградация роли и статуса
преподавателя в предпринимательском университете

Институт философии и права Сибирского отделения РАН
ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090, Россия
ablazhey63@gmail.com
ORCID iD: 0000-0003-3693-8845

*Статья поступила 6 февраля 2020 г.; принята 11 марта 2020 г.;
опубликована 30 марта 2020 г.*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, ролью и местом которые преподавательское сообщество занимает в структуре университета. Мы предполагаем, что в результате постоянного усиления тенденции к коммерциализации высшего образования неизбежна деградация роли и статуса профессорского сообщества в современном вузе. Проведенный анализ показал, что статуса исследовательского или предпринимательского университета ведет, с одной стороны, к увеличению финансирования и качественно-му рывку в развитии вуза, с другой – к резкому сужению пространства университетской демократии и падению влияния преподавательского сообщества. Наличие подобных тенденций вызывает озабоченность в преподавательской среде, а их продолжение приводит, в конечном итоге, к падению качества образования. Сделан вывод, что средством сглаживания подобных противоречий могла бы стать максимальная диверсификация источников развития (прежде всего финансирования) университетов. Это могут быть средства ассоциаций выпускников или крупных компаний, заинтересованных в долгосрочном сотрудничестве с вузом. Заметный рост такого рода доходов неизбежно приведет к усилению влияния тех же попечительских советов в качестве параллельных органов, если не рутинного (оперативного) управления вузом, но определения стратегических целей и источников его развития, которые, при внушительных объемах параллельного финансирования (речь идет, естественно, о государственных вузах), вполне могут выступать на равных как с университетской, так и государственной бюрократией.

Ключевые слова: высшее образование; реформирование; рейтинг; национальный исследовательский университет; профессорское сообщество; университетский менеджмент.

Информация для цитирования: Аблажей А. М. «Господин профессор»: деградация роли и статуса преподавателя в предпринимательском университете // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, N 1. С. 29-40. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-3

Anatoly M. Ablazhey

“Mr. Professor”: the degradation of the role and status of a teacher in an entrepreneurial university

Institute of Philosophy and Law of the SB RAS
8, Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russia
ablazhey63@gmail.com
ORCID iD: 0000-0003-3693-8845

*Received February 06, 2020; accepted March 11, 2020;
published March 30, 2020*

Abstract. The pertinence of the study stems primarily from the role and place of the faculty in the structure of the university. We assume that as a result of the growing strength of the trend towards the commercialization of higher education, the role and status of the faculty or professorial community in a modern university is inevitable. The analysis demonstrates that the status of a research or entrepreneurial university leads, on the one hand, to increased funding and a qualitative breakthrough in the development of the university, on the other hand, to decline in standards in the field of university democracy and a decrease in the influence of the faculty. Such trends cause concern in the teaching environment, and their aggravation leads, ultimately, to a decline in the quality of education. It is concluded that the maximum diversification of the sources of development (primarily financing) of universities could become a means of smoothing over such contradictions. This may include funds of associations of graduates or large companies interested in long-term cooperation with the university. A noticeable increase in this kind of income will inevitably lead to an increase in the influence of the same board of trustees as parallel bodies, if not the routine (operational) management of the university, but the definition of strategic goals and sources of its development, which, with impressive amounts of parallel financing (obviously, this is about state universities), may receive an equal standing with both university and state bureaucracy.

Keywords: higher education; reforming; national research university; professorial community; university management

Information for citation: Ablazhey, A. M. (2020), ““Mr. Professor”: the degradation of the role and status of a teacher in an entrepreneurial university”, *Research Result. Sociology and management*, 6 (1), 29-40. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-3

Введение (Introduction). Произшедшая в начале 2020 г. смена главы профильного министерства стала еще одним подтверждением того факта, что положение дел в сфере науки и высшего образования носит, как минимум, проблемный

характер. Приход нового министра также вызвал (и не в первый раз) активизацию дискуссий о правильности выбранного направления реформ в образовательной и научной сферах. Речь идет, в частности, о состоянии преподавательского сообще-

ства, его роли в современном университете и участии в определении путей его развития.

Актуальность тех проблем, которые мы собираемся обсудить в данной статье, обусловлена, прежде всего, ролью и местом, которые преподавательское сообщество занимает в структуре университета. На протяжении веков слава и престиж любого вуза, качество предоставляемого им образования определялись в первую очередь составом и профессиональной компетентностью его профессуры. В последние десятилетия, с наступлением эпохи коммерческого образования, что сопровождалось выдвижением на первые роли университетского менеджмента, ситуация стала меняться. Опыт развития англо-американской системы высшего образования показывает, что в преподавательской среде, в сфере ее взаимоотношений с менеджментом идут очень непростые и противоречивые процессы. Встает вопрос – что происходит в этой сфере в нашей стране, какие выводы следует сделать на основании изучения российского опыта функционирования вузовской системы в последние три десятилетия.

Методология и методы (Methodology and methods). Что касается *методологии* исследования, то в ее основу положена широко известная модель предпринимательского университета, ставшего порождением неолиберальной экономики и идеологии. Неолиберальный подход к организации высшего образования, максимально полно реализованный именно в предпринимательском университете, предполагает ускоренную коммерциализацию образования, что неизбежно влечет усиление позиций университетского менеджмента, затем, как следствие, – увеличение доли временных преподавательских позиций и рост числа срочных контрактов, «съезживание» внутриуниверситетской демократии. С целью фиксации и дальнейшей оценки подобных явлений применительно к России мы использовали результаты проведенных нами в 2000-2010-е гг.

исследований в университетах Сибири (Новосибирск, Иркутск, Красноярск, Абакан, Кызыл, Горно-Алтайск). Речь идет главным образом о материалах полуструктурированных и свободных интервью с представителями преподавательского корпуса, а также руководителями вузов (от заведующего кафедрой ректора). Использование подобной эмпирической базы позволило, во-первых, зафиксировать реальные процессы в российских вузах, во-вторых, показать их специфику на фоне общемировых тенденций. Естественно, мы использовали также материалы официальной статистики, а также ряд широко известных текстов, вышедших за авторском высших руководителей данной сферы (министры образования и науки, ректоры ведущих вузов и т.д.) и носящих, по сути, программный характер. Использовался также анализ существующей исследовательской литературы, как англо-, так и русскоязычной, посвященной состоянию современных американских, европейских и российских университетов. Среди наиболее авторитетных авторов следует назвать Д. Бока, Ф. Мировски, Х. Рэддера, М. Соколова, П. Степанцова, К. Губа и др.

Начиная описание обозначенной проблемы, полученные результаты и состояние дискуссии по данной тематике, обратимся вначале к опыту других стран. По мнению целого ряда зарубежных коллег, одним из результатов неолиберальных реформ в высшем образовании стала его ускоренная коммерциализация и, как следствие, постоянно нарастающий дефицит ресурсов. Недостаток средств приводит, в свою очередь, к постоянному сокращению пространства университетской демократии. Д. Бок, многолетний ректор, а впоследствии – президент Гарвардского университета, в своей книге, посвященной сфере высшего образования в условиях рынка, утверждает, что в современном американском вузе «решения стали приниматься более бюрократическим, иерархическим, централизованным, автоматическим и директивным способом»; в то же

время, по его мнению, «иерархически организованный менеджмент редко приводит к инновационным прорывам в образовании и науке» (Бок, 2012: 208). Размышляя о том, как придать инновационный импульс развитию Университета в подобных условиях, он дает следующий ответ: «университеты будут лучше справляться с защитой своих основополагающих ценностей, если профессора станут принимать участие в планировании и проверке всех форм коммерческой или иной приносящей прибыль деятельности, имеющих отношение к академической жизни университета» (Бок, 2012: 208).

Поскольку университеты все чаще идентифицируют себя в качестве производителя такого специфического товара как человеческий капитал, а не того места, где воспитываются будущие граждане (в истинном смысле этого слова¹), им становится все труднее обеспечивать общественную поддержку субсидируемого государством высшего образования. Университетам не остается ничего другого, как искать частные средства, чтобы компенсировать сокращение государственных субсидий. Но чем активнее университет ведет себя на образовательном рынке, тем меньше у него шансов добиться государственной поддержки, что приводит к фактической приватизации американской системы государственных университетов. По подсчетам американских экспертов, перед началом глобального финансового кризиса 2008 г. размер *государственных* взносов в бюджеты ведущих публичных исследовательских университетов Америки составлял около 20%; в последующем даже такой небольшой вклад сократился. Неолиберальный

¹См. «Гумбольдтовский идеал образования, которому следовала его концепция науки и университета, есть образ ищущего человеческого духа, восходящего путем своей самостоятельной деятельности до высшего понимания и нравственного совершенства; образование для него есть процесс самостановления индивида, воплощающего в себе истинный и нравственный мир» (Шнедельбах, 2002; 10).

пересмотр роли высшего образования стал, по сути, частью усилий по превращению университетов в часть глобальной конкурентной сферы услуг. Университеты становятся корпорациями, продукция которых – «информация» и «человеческий капитал», а студенты – всего лишь «клиенты». Как следствие, недалек тот день, когда государство сможет вовсе снять с себя ответственность за обеспечение массового образования (Lave, Mirowski, Randalls, 2010: 665).

Другой эффект коммерциализации: нарушение фундаментального принципа университета Гумбольдта относительно преподавания и научных исследований как взаимодополняющих видов деятельности. Когда главной целью университетских ученых становится производство коммерчески ориентированного знания (коммодификация), преподавание неизбежно превращается во вторичную функцию. На практике это приводит к тому, что многие университеты сегодня активно избавляются от штатных преподавателей, набирая временных сотрудников, а также постдоков. Так, в 2005 г., согласно данным Национального центра статистики в сфере образования, на более чем 48% преподавательских позиций в американских колледжах, получавших федеральное финансирование, преподаватели работали на неполный рабочий день или были внештатными (Mirowsky, 2010: 44). Достижение статуса *tenure* становится для американской профессуры все более сложной задачей.

Частные беседы с американскими коллегами, состоявшиеся в последние годы, убедили автора в том, что традиции западной университетской демократии в целом находятся под угрозой, пространство их действия активно сужается благодаря действиям вузовской бюрократии. Например, в Университете штата Аризона офис ректора просто оповестил профессуру о том, что в вузе больше нет традиционного факультета свободных искусств (College of Liberal Arts), вместо которого было создано несколько новых факульте-

тов. Мы сейчас оставляем в стороне вопрос о целесообразности подобных изменений – не исключено, что с точки зрения управленца они вполне рациональны. Речь о том, что в таком важнейшем вопросе как изменение структуры университета, преподавательское сообщество было просто отодвинуто в сторону.

Голландские исследователи, В. Хафманн (профессор Института научных исследований в области науки, инноваций и общества, и Факультета науки Университета Неймегена) и Х. Рэддер (профессор философского факультета Свободного университета Амстердама) в своей нарочито провокационной статье выдвигают концепцию «оккупированного университета», при этом роль завоевателя играет все тот же «менеджмент», который они образно называют «многоголовым Волком» («many-headed Wolf of management») (Halfmann, Radder, 2015: 165). Именно новые менеджеры, руководящие ныне Университетом, ответственны, по их мнению, за введение «режима, одержимого [такими ценностями] как «подотчетность», измерение, усиление конкуренции, эффективность, «превосходство» и ошибочной надеждой на экономические рычаги [как главный способ управления университетом]. Учитывая пагубные побочные эффекты такой оккупации, мы должны спросить себя, как менеджерам удалось овладеть нашими университетами» (Halfmann, Radder, 2015: 165-166). Далее авторы предлагают сценарий, благодаря которому Университет получает шанс вновь станет открытым и свободным (см. заключительную часть статьи).

Т. Ингольд (Т. Ingold), профессор Абердинского университета (Шотландия), автор петиции, призывающей «спасти» вуз, также пишет о пагубной роли университетского менеджмента: «академическое сообщество и наше стремление к образованию и науке были разрушены коррозией, ставшей следствием режима управления, который основан на издевательствах и запугивании... основополагающие принци-

пы, на которых основана академическая жизнь – доверие, профессионализм и свобода выражения мнений, были погребены под лавиной безумных целей, дегуманизации, дисфункциональных ИТ-систем, произвольных директив и фиктивных консультаций». Воссоздание («reclaiming») своего вуза Ингольд предлагает начать с кафедры антропологии, поскольку, по его мнению, что хорошо для антрополога, как знатока человеческих обществ, то хорошо для всего университета (Ingold, 2015).

Подобного рода эволюция места профессуры в структуре университета и девальвация ее статуса особенно разительна по сравнению с «золотым веком» интеллектуальной элиты. Речь о Германии второй половины XIX в., периода расцвета «Университета Гумбольдта». Ф. Рингер в своей знаменитой работе пишет: «В демократических и высокоиндустриальных обществах ученая степень или должность в университете конкурирует с другими мерами общественной ценности и достоинства, самые важные из которых – политические и экономические. В Германии до 1890 года, напротив, академические ценности несли на себе печать официального и общественного признания. Далекий от предпринимательства высший средний класс, просвещенная аристократия мандаринов, стали действительным правящим классом нации. Университетские профессора, мандарины-интеллектуалы, говорили от имени явной элиты и были выразителями ее ценностей. Они неизменно занимали чрезвычайно высокое место в жизни страны, пока высшее образование оставалось существенным фактором социальной стратификации Германии» (Рингер, 2008; 49-50). Подобного рода характеристика, пусть и с изрядными допущениями, вполне может применена в том числе к профессуре советского вуза. В постсоветское время положение дел сильно изменилось.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Российские исследователи также все чаще подчеркивают то обстоятельство, что суще-

ственное изменение институционального ландшафта современного университета носит фундаментальный характер. Исходя из этого, предлагается обратить самое пристальное внимание на внутреннее устройство отечественных вузов, реконструировать историю их развития, специфику складывания локальных традиций, формирования уникального «духа университета», формы и способы коммуникации университетского менеджмента, с одной стороны, и преподавательского корпуса, с другой. Иначе говоря, утверждается точка зрения, согласно которой университет является «организацией, объединяющей в себе множество контрагентов, борющихся и кооперирующихся друг с другом, конкурирующих или совместно принимающих решения... агенты внутри университета формируют устойчивые конфигурации отношений» (Степанцов, 2012: 81).

Российское образование на протяжении всего постсоветского периода испытывает серьезные проблемы с пополнением профессорско-преподавательских кадров. Стратегический характер принимает возрастная характеристика профессорско-преподавательского состава вузов, а именно, растет его средний возраст, равно как и менеджеров вузов. При этом оценка причин подобного явления профессионалами и управленцами радикально разнится. Ректор Московской юридической академии (учебного заведения, по определению не испытывающего проблем ни с набором студентов, ни с внебюджетным финансированием) Б. Кутафин прямо писал о том, что при *нынешнем уровне преподавательских доходов* и соответствующих темпах омоложения профессорско-преподавательского состава очень скоро «преподавание станет фикцией: малограмотные люди будут готовить абсолютно малограмотных специалистов» (Кутафин, 2007). На практике в условиях постоянного дефицита государственных ресурсов руководство многих вузов, в целях поддержания финансовой стабильности, вынуждено пойти по пути сокращения преподавательских

кадров, что неизбежно влечет за собой усиление нагрузки на оставшихся (что сегодня по факту уже происходит в целом ряде вузов и тенденция эта будет только усиливаться). Согласно официальным данным, в сфере высшего профессионального образования «38,6% работающих старше 65 лет. За последние годы оживился приток молодежи в вузы, но темпы естественного старения пока выше динамики обновления профессорско-преподавательских кадров, и фактически мы имеем поколенческий разрыв. При этом, как ни парадоксально, рост бюджетной обеспеченности не способствует обновлению кадров в образовании: чем лучше идут дела, тем меньше находится желающих освободить свои места, предоставляя возможность карьерного роста молодым» (Волков, Ливанов, Фурсенко, 2007). Таким образом, соглашаясь с тем, что темпы омоложения профессуры крайне низкие, причины назывались совершенно разные: для ректора Кутафина это *недостаток* ресурсов и молодежь *не хочет* делать преподавательскую карьеру, для министра Фурсенко – их *избыток* (!) и молодежь *не может* попасть на университетские кафедры.

По нашему мнению, молодежь, как правило, не только не может, но и не хочет пополнять ряды преподавателей высшей школы. По результатам проведенных нами исследований системы академической аспирантуры в середине 2000-х и в конце 2010-х гг., менее 10 процентов аспирантов хотели бы делать профессорскую карьеру. Они видят себя или в науке, или в наукоемком бизнесе (Аблажей, 2019; 51).

М. Соколов, выделяет, вслед за А. Хиршманом, два источника власти университетской профессуры. Первый из них – это «власть выхода», т.е. возможность уйти из данного университета в другой, предлагающий более выгодные условия. Второй – «власть голоса», предполагающий участие профессуры в решении вопросов внутриуниверситетской жизни путем голосования. Анализируя в рамках данного подхода постсоветский опыт су-

ществования российской вузовской системы, автор отмечает: «суверенитет университетской профессуры постепенно теряет свою силу, так как демократические выборы заменяются цепями бюрократического порядка». Правда, по словам Соколова, мы являемся свидетелями наличия и противоположной тенденции: существенное сужение университетской демократии сопровождается одновременным «увеличением финансирования научных исследований и целенаправленными попытками стимулировать межрегиональную академическую мобильность, с целью предоставить научной элите «власть выхода» в обмен на потерю «власти голосования» (Соколов, 2014).

По словам К. Губы, традиционный фокус внимания исследователей только на преподавателях и студентах вузов отражает «привычный взгляд на университет, в котором администрация осмысливается как изначально подчиненный элемент, который не делает университет университетом. Однако множество изменений в современных высших учебных заведениях невозможно проанализировать без внимания к тому, за счет каких ресурсов они живут и как они управляются. Для того, чтобы продвинуться в этом направлении, нужно отказаться от изучения одной только повседневности, которая близка нам как студентам и как преподавателям, и задаться вопросом, что происходит за закрытыми дверями административных помещений» (Губа, 2014: 145).

Проведенные нами во второй половине 2010-х гг. ряда сибирских вузов в основном подтверждают приведенные выше мнения. Возьмем в качестве примера Иркутский технический университет, имеющий статус национального исследовательского. В интервью один из его профессоров так прокомментировал ускоренную трансформацию организационной структуры вуза: «Этот процесс – институты вместо факультетов – активно пошел года два назад, причем одни факультеты сливались, и образовывался вместо двух

факультетов один институт, иногда факультет дробился, одна его часть отдавалась одному институту, другая – другому. Вот, буквально, не так давно тоже возникло два новых института, буквально несколько недель назад был образован новый институт – из одной кафедры один институт (!), что тоже вызывает некоторое удивление у народа. Вообще, процесс образования институтов, на мой взгляд, это игра, которую устраивает администрация, для того, чтобы убрать неугодных людей, и создать ту структуру, которая была бы им более, так сказать, послушна». На уточняющий вопрос о том, можно ли сказать, что, по сути, ставилась задача сделать систему более управляемой, наш собеседник дал утвердительный ответ: «Конечно, конечно... дело в том, что декан – он же выбирается, а директор института назначается. Если ты хочешь, ты всегда можешь его сместить, расторгнуть с ним контракт, который существует. Как, кстати, и проректора. Все они полностью зависят от ректора. И получается такая управляемая стабильная структура, которой можно руководить как хочешь, неугодных убирать». Аналогичная ситуация складывается и с ученым советом университета: «Ученый совет из органа, который действительно влияет на ситуацию, превращается в управляемый орган, который практически ничего не говорит против власти. Поднимает руки и все».

Другими словами, в российских вузах, в первую очередь ведущих (национальных, федеральных, исследовательских университетах, а также опорных вузах), и ИРНТУ здесь далеко не уникален, также идет ускоренное свертывание демократических традиций, вследствие чего профессура все дальше отодвигается от реального влияния на дела вуза, включая обсуждение перспектив его развития, выделение приоритетных направлений и т.д. Директоров одного из вновь созданных институтов также посетовал на то, что наряду с усилением властной вертикали ректорат (а выше

– профильное министерство) теряет возможность обратной связи с преподавательским сообществом, и ждать инновационных прорывов в содержании и организации образовательного процесса в этой ситуации просто наивно: «какое-то самоуправление, появление новых идей и свобод – оно теперь полностью контролируется и я не знаю, хорошо ли это? Наверное, нет, потому что инициативы то нет. Люди подневольные в творческом отношении слабы, зачем им делать лишний шаг куда-то в сторону, если они знают, что их могут остановить, поругать, а может быть, даже и убрать. Теперь коллектив не может влиять на то, кто будет руководить. Он не может выбирать того человека, который устраивает [профессуру] и который, на ее взгляд, отвечает чаяниям, требованиям и может за них бороться. Зачем будет руководитель института бороться за свой коллектив, если он от него [коллектива], никак, собственно, не зависит».

Для нас в этой схеме, вполне рациональной и разумной точки зрения классического менеджмента, принципиально важен один момент – создание новой структуры университета привело к резкому сокращению пространства внутри-университетской демократии, что наложило на параллельное сокращение пространства университетской автономии в целом, поскольку особая схема финансирования НИУ предполагает гораздо более жесткий контроль и схему курирования всех сфер жизни вуза со стороны профильного министерства и других контролирующих органов (министерства финансов и др.). На вопрос, как обеспечить лучшую управляемость и насколько необходимо более активное участие преподавателей в этом процессе, наш респондент ответил: «На мой взгляд, у нас была такая, будем говорить, командно-административная система последние годы, и как показала практика, в ней положительного мало. Тут надо как-то сдвинуть, [может быть], не совсем демократическую си-

стему избрать, но смешанную, чтобы преподавателям было интересно, чтобы стимулы были какие-то работать: зарабатывать деньги, писать статьи. Мы всегда говорили, что надо разделяться: кто может наукой заниматься, надо стимулировать, чтобы он ею занимался, кто может писать методические указания, учебные программы разрабатывать, его тоже надо стимулировать. Чтобы был интерес, их активность. Мы разрабатывали систему поощрений, но это все куда-то на полку ушло. Надо вернуться к этому, к этой системе».

На наш взгляд, необходимо обратить особое внимание на важное обстоятельство, отмеченное одним из наших респондентов, а именно тот факт, что сложившаяся в университете система руководства не всегда способна адекватно реагировать на постоянно изменяющиеся потребности – государства, абитуриентов, бизнеса. Рядовые преподаватели практически выключены из процесса осмысления и публичного обсуждения того, что происходит с вузом сейчас и как будет строиться его политика в будущем. Это особенно ярко проявляется в опыте создания таких мега-вузов как Сибирский федеральный университет. Проведенные нами в 2015 г. интервью как с представителями руководства университета (уровень проректоров), так и «рядовыми» профессорами показали, что инициированное сверху объединение 4-х вузов в один гигантский университет (только одна цифра в подтверждение этого тезиса: на заседании Ученого совета СФУ прозвучала такая цифра: общее число только различного рода печатей в университете составляло около 300) отнюдь не улучшило, а напротив, ухудшило положение профессуры. Многие наши собеседники сетовали на то, что их мнение вообще никого не интересует; создание объединенных кафедр привело к тому, что заведующий не в состоянии просто запомнить всех по фамилиям, что сделало невозможным проведение заседаний, в которых могли бы участвовать все преподаватели. Размеры вуза

таковы, что механизм обратной связи между ректоратом и профессорским сообществом работает очень слабо.

На момент нашего исследования в СФУ проходила кампания подготовки Программ развития кафедр, прежде всего – перспективных планов. Ряд заведующих признавались в интервью, что им не всегда понятно, чем будут заниматься кафедры в этой связи, какова логика подготовки этих планов. Профессора, особенно старшего возраста, обиженно говорили о «гигантских зарплатах» ректората. Много едких слов было сказано и о ректоре, который не вникает в дела, а за его спиной делается все. Одной из главных проблем, по словам наших собеседников, следовало бы считать непонимание или неприятие профессорско-преподавательским составом университета происходящих в вузе изменений. Понятно, что этому есть и объективные основания, прежде всего размеры вуза (на 2015 г. в СФУ только преподавателей числилось около 3 тыс. чел.), что создает серьезные проблемы в управлении таким огромным учреждением, внешние обстоятельства (надо быстро реагировать на постоянно возникающие вызовы). По свидетельству одного из членов Ученого совета СФУ, на нем ни разу не обсуждались действительно стратегические вопросы (единственный пример – обсуждение программ строительства). Вуз становится настолько крупной организацией, что стремление максимально усилить степень управляемости перевешивает стремление к автономии отдельных структур. В этом же ключе следует рассматривать и тенденцию замены факультетов институтами. Ректорат усиленно насаждает мысль о том, что роскошь свободного обсуждения, широкого обмена мнениями в современных условиях недопустима. Очень важно – нет и механизмов такого рода обсуждений, таких как общее собрание, очное голосование, обсуждение кандидатур и пр. Наконец, вуз хорошо научился использовать стратегию больших политических проектов: СФУ как политический проект, Программа развития как

его воплощение, теперь вот огромное внимание Универсиаде 2019 г., под которую планировалось получить около 80 млрд. Собственно образовательная деятельность, не говоря уже о научной, волей-неволей оказывалась в тени этих мега-проектов.

Другими словами, по мнению профессуры, в идеале необходимо соединить принцип единоначалия с демократией. Этого не удалось сделать ни в Сибирском федеральном университете, ни в Иркутском политехе за 3,5 года, прошедших после получения статуса национального исследовательского университета. Напротив, все свидетельствует о том, что ни старое, ни новое руководство вуза к этому и не стремились. Складывается впечатление, что в своих интервью и обличительных статьях прежний, насильственно отстраненный от власти ректор и не пытается апеллировать к преподавательскому сообществу, полагая, что от него мало что зависит. В эпоху коммерциализации образования, прежде всего высшего, университетская демократия только мешает управлять вузом как коммерческим предприятием, главное предназначение которого – приносить прибыль, а основное предназначение наемного работника – безусловно исполнять указания руководства, равно как университетская автономия мешает управлять университетом в рамках министерской властной вертикали. В новой редакции Устава того же ИрНТУ отмеченная тенденция получила логическое завершение путем отказа от выборов ректора в пользу его назначаемости. Ректор, как высшее должностное лицо, вуза теперь не подотчетен коллективу, его работодатель – профильное министерство. Таким образом, для вуза получение особого статуса – национального исследовательского университета – означало не только наступление эры (правда, сравнительно кратковременной) относительного финансового благополучия, но и чрезвычайного усиления бюрократии. Последняя, следуя классическим законам Паркинсона, очень скоро даст всем понять, что именно она – главная в

вузе, поскольку обоснование порядка задачи и определение размера дополнительных средств, которые окажутся в распоряжении той или иной кафедры, факультета, института, равно как и каждого отдельного преподавателя, находятся почти исключительно в ее компетенции.

Не удивительно, что сегодня в сложившихся в целом ряде ведущих университетов условиях наиболее ощутимые дивиденды (как финансовые, так и, что не менее важно, властные) от получения статуса ведущего вуза получили именно бюрократические структуры (офисы проректоров по развитию, инновациям, проектные офисы и пр.), которые начинают работать в основном исключительно на себя, почти не принимая во внимание интересы преподавателей и студентов. В подобных условиях традиционный, но ставший именно в эпоху коммерциализации и бюрократизации образования чрезвычайно актуальным вопрос о том, кто занимает в вузе центральное место – преподаватель или управленец, кажется сегодня скорее риторическим, поскольку ответ на него очевиден. С другой стороны, подобный подход оказывается справедливым при условии, что управление вузом, который является сложноорганизованной системой, строится на основе упрощенных приемов и сводится лишь к капитализации текущего статуса и заданию порядка распределения средств – не только полученных из государственного бюджета, но и заработанных самим университетом, т.е. *прежде всего его преподавателями*.

Налицо не только резкое сужение пространства внутриуниверситетской демократии и сокращение возможностей профессуры по участию в управлении вузами, но и резкое падение их статуса. Это особенно заметно на примере небольших региональных вузов. Наши исследования, проведенные в республиках Сибири в 2000-х гг., показали, что престиж лиц интеллектуальных профессий, в том числе научных сотрудников и вузовских преподавателей, в глазах молодежи сильно упал.

Для всех наших собеседников абсолютно бесспорна убежденность в том, что «раньше» (очевидна нечеткость такого временного разграничения, и более строго хронологически это можно обозначить как период 1940-1980-х гг., что особенно характерно для Тувы) положение науки и ученого, преподавателя вуза, степень уважения к образованным людям вообще, к новой, только нарождавшейся национальной интеллигенции, были совершенно иными, чем сегодня: *«раньше мы были белая кость, уважаемые люди. Особенно для восточного общества – они уважали учителей. А сейчас я просто по глазам своих студентов вижу – мы на обочине дороги»*.

Падение статуса проявляется не только в падении уважения к профессуре в глазах студентов. Налицо также резкое расслоение прежде в целом единого университетского сообщества. Пользуясь терминологией Е. Балацкого, мы наблюдаем резкое уменьшение объема академической ренты, получаемой «рядовым» профессором, ставшим, по сути, пролетарием умственного труда в эпоху неолиберального капитализма. Речь идет фактически о «*полном отчуждении ректора от рядовых сотрудников*: доходы ректора в десятки и сотни раз превышали доходы профессор... на современном этапе развития высшей школы дистанция между администраторами и преподавателями приобретает особые формы благодаря новым технологиям [в результате] администрация учебного заведения фактически узурпировала все академические свободы профессор... [которые] являются беззащитными марионетками скрытых манипуляций» (Балацкий, 2014: 159-160).

Заключение (Conclusions). В *заключении* статьи нам бы хотелось порассуждать о возможных действиях преподавательского сообщества в подобной ситуации. Согласно сценарию Хоффмана и Рэддера, речь можно вести о следующих мерах. Прежде всего, честно писать в те же научные фонды о сверхурочной работе и работе в выходные дни. Важную роль мог

бы сыграть коллективный отказ от наиболее вопиющих проявлений бюрократизации и коммерциализации, например, от участия в университетских рейтингах. Что касается профсоюзных акций и коллективных действий, то они должны непременно иметь большой масштаб. Эффективным могло бы стать также внедрение «альтернативных индикаторов активности» профессуры в образовательной и научной сферах. Например, отказ от оценки исключительно финансовых или публикационных показателей, наряду с которыми можно было бы говорить об оценках в глазах коллег. Возможно проведение парламентских и политических акций, информирование наблюдательных советов и государственных структур о «ложных обещаниях со стороны менеджмента, злоупотреблениях ресурсами, фактах коррупции, конфликтах интересов, высокомерии лиц, занимающих высокие должности в университетской иерархии, бюрократизме, скандалах и пр. В этой связи очень знаково выглядит заключительная фраза статьи: «Возможен только один вывод: работники всех университетов, объединяйтесь!» («Only one conclusion is possible: Workers of all universities: unite!»).

Российская профессура вряд ли способна на столь радикальные действия. На наш взгляд, и эту мысль подтверждает опыт зарубежных университетов, бороться с тенденциями сужения внутриуниверситетской демократии и сокращения влияния преподавательского сообщества на жизнь вуза возможно главным образом путем максимальной диверсификации источников развития (прежде всего финансирования) университетов, прежде всего за счет активного поиска частных инвесторов. Подчеркнем, что в данном случае речь не идет об увеличении удельного веса средств, полученных в качестве платы за обучение – как правило, эти средства концентрируются в руках ректората и становятся лишь дополнением к бюджетным деньгам. Речь идет об увеличении доли тех доходов, на которые отсутствовало право

монопольного распоряжения со стороны руководства вуза. Это могут быть средства ассоциаций выпускников, крупных компаний (что делали, например, крупные нефтяные компании в Томском политехническом университете и т.д. Заметный рост такого рода доходов неизбежно приведет к усилению влияния тех же попечительских советов в качестве параллельных органов если не рутинного (оперативного) управления вузом, но определения стратегических целей и источников его развития, которые, при внушительных объемах параллельного финансирования (речь идет, естественно, о государственных вузах), вполне могут выступать на равных как с университетской, так и государственной бюрократией. Наличие же пусть мощного, но занимающего монопольное положение источника финансирования (в нашем случае – государственных средств по линии профильного министерства) и соответствующих практик и институций их распределения неизбежно приводит к съезжанию университетской демократии, отстранению преподавательского сообщества от участия в действительно важных делах вуза и, в конечном счете, ухудшению качества образования.

Список литературы

- Аблажей А. М. Университетский менеджмент и преподавательское сообщество в споре о будущем вуза // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2015. Т. 13. Вып. 4. С. 83-89.
- Аблажей А. М. Институт аспирантуры в постсоветский период: сравнительный анализ (часть 2) // Философия образования. 2019. Т. 19, № 3. С. 46-56.
- Балацкий Е. В. Истощение академической ренты // Мир России. 2014. № 3. С. 150-174
- Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- Губа К. Рецензия на работы: 1) Наши университеты. Факультеты ненужных вещей? Качества и смыслы гуманитарного образования. Проблемно-тематический сборник; 2) Наши университеты. Студенты. Альманах-

исследование // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2014. № 6 (2). С. 145-148.

Кутафин О. Негосударевы слуги. Через пять лет высшее образование в России может стать фикцией. URL: http://www.ng.ru/politics/2007-07-25/3_kartblansh.html (дата обращения: 12.03.2020).

Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. М., 2008.

Степанцов П. Как «видят» университеты: от теории организаций к социальной топологии // *Социология власти*. 2012. № 4-5. С. 77-95.

Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // *Логос*. 2002. № 5-6. С. 1-14.

Halfman W., Radder H. The Academic Manifesto: From an Occupied to a Public University // *Minerva*. 2015. Vol. 53. Iss. 2. Pp. 165-187.

Ingold T. Reclaiming the university of Aberdeen. URL:

<https://allegralaboratory.net/reclaiming-the-university-of-aberdeen-universitycrisis/> (дата обращения: 26.01.2020).

Lave R., Mirowski Ph., Randalls S. STS and Neoliberal Science // *Social Studies of Science*. 2010. № 40 (5). Pp. 659-675.

Mirowski Ph. *Science-mart: Privatizing American Science*. Cambridge: Harvard University Press, 2010. 454 p.

Sokolov M. *Academic Profession: Challenges of Transformation. The Sources of Post-Soviet Professorial Power // The Hire Education in Russia and Beyond*. 2014. Iss. 2. Pp. 10-11. URL: <http://www.herb.hse.ru/en/2014--02.html> (дата обращения: 10.03.2020).

References

Ablazhey, A. M. (2015), "University management and the teaching community in a dispute about the university's future", *Bulletin of NSU. Series: Philosophy*, 13 (4), 83-89. (In Russian).

Ablazhey A.M. (2019), "Postgraduate in the Post-Soviet Period: a comparative analysis (part 2)", *Philosophy of Education*, 19 (3), 46-56. (In Russian).

Balatsky, E. (2014), "Exhaustion of academic rent", *World of Russia*, (3), 150-174. (In Russian).

Bok, D. (2012), *Universities in market conditions. Commercialization of Higher Education*, Izdatelsky dom Vysshey shkoly ekonomiki, Moscow, Russia. (In Russian).

Guba, K. (2014), "Review of the work: 1) Our universities. Departments of unnecessary things? Quality and meanings of arts education. Topical collection; 2) Our universities. Students. Almanac-study", *Laboratorium. Journal of Social Studies*, (6), 145-148. (In Russian).

Kutafin, O. "Across five years higher education in Russia may become a fiction", [Online], available at: http://www.ng.ru/politics/2007-07-25/3_kartblansh.html (Accessed 12 March 2020). (In Russian).

Ringer, F. (2008), *The Decline of the German Mandarins. The German Academic Community, 1890-1933*, Moscow, Russia. (In Russian).

Stepancov, P. (2012), "How to "see" the university: from theory to social organizations topology", *Sociology of Power*, (4-5), 77-95. (In Russian).

Shnedelbach, G. (2002), "Humboldt University", *Logos*, (5-6), 1-14. (In Russian).

Halfman, W. and Radder, H. (2015), "The Academic Manifesto: From an Occupied to a Public University", *Minerva*, 53 (2), 165-187.

Ingold, T. "Reclaiming the university of Aberdeen", [Online], available at: <https://allegralaboratory.net/reclaiming-the-university-of-aberdeen-universitycrisis/> (Accessed 26 January 2020).

Lave, R., Mirowski Ph. and Randalls, S. (2010), "STS and Neoliberal Science", *Social Studies of Science*, (40), 659-675.

Mirowski, Ph. (2010), *Science-mart: Privatizing American Science*, Harvard University Press, Cambridge, MA, USA.

Sokolov, M. (2014), "Academic Profession: Challenges of Transformation. The Sources of Post-Soviet Professorial Power", *The Hire Education in Russia and Beyond*, (2), 10-11, [Online], available at: <http://www.herb.hse.ru/en/2014--02.html> (Accessed 10 March 2020).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Аблажей Анатолий Михайлович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН.

Anatoly M. Ablazhey, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the SB RAS.